
А. Н. МУШЕНКО

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Анализируя философско-психологические исследования Л. Витгенштейна, прежде всего «Заметки по философии психологии», следует учесть, что психологией Витгенштейн начал интересоваться и заниматься до написания своего главного печатного произведения – «Логико-философского трактата», до формирования основных философско-логических и этических императивов, в момент раздумий над логической проблематикой периода учебы в Кембридже у Б. Рассела. Философией психологии же Л. Витгенштейн подводит и итоги, завершает свою философскую работу в качестве преподавателя философии и философа – одного из самых влиятельных философов первой половины XX в.

Философия психологии составляет самые последние курсы его лекций и последние тетради его заметок, которые Витгенштейн вел весь период своей философской работы. Таким образом, Витгенштейн с самого начала своей творческой деятельности интересуется не только философией, но и психологией. Философия психологии как бы окаймляет всю философскую работу ученого. Обоснованно предположение, что Витгенштейну как конструктивному, наглядному философу, инженеру-философу¹, не хватало общей философской «пищи»; его вышколенный в высших технических школах Берлина и Манчестера ум требовал конкретного материала для работы, что и открывало доступ в его философию проблемам психологии, наглядной школьной математики, физическим сравнениям и бытовым замечаниям. Внимание Витгенштейна было сосредоточено на изучении внешнего и внутреннего миров, конкретного и абстрактного.

Язык и мысль, языковая мысль (значение) и события мира, мир как множество положений дел и мир как целое, переживание и вы-

¹ «Мой немецкий инженер» – так называет его Б. Рассел в начальный период их совместной работы в Кембридже над нерешенными проблемами логической теории.

ражение – вокруг этих тем и следует распутывать его анализ оснований языка, логики, математики, психологии. Говоря словами самого Витгенштейна, можно сказать, что «строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом»², где реализм – предположение только внешнего мира, солипсизм – только себя. Это совпадение внешнего и внутреннего есть то самое тождество, которое искал Витгенштейн в своей философии во всех ее проявлениях. Вряд ли он был озабочен психологией, понимаемой узко, ее опровержением или корректировкой, а также собственно психологическими проблемами. С его точки зрения, наука должна позаботиться сама о себе. Он борется с распространенным в философии и психологии описанием и объяснением, в том числе и со своим философским желанием понимать внутреннее как внутреннее, внешнее как внешнее в отрыве друг от друга. В философии он ищет психологию, а в психологии – философию. Довольно скользкий путь – перевод на себя, замкнутость на собственной, личной проблематике («наш солипсизм», «мой солипсизм» – повторяет регулярно Витгенштейн в «Голубой книге» эту установку³). Но это и достаточно распространенный в философии образ действий, философия как форма жизни, как деятельность, где утрачивается различие между трудом и жизнью, между сочинениями и жизненными стремлениями и решениями⁴. Он рефлектирует над человеческим предрассудком и прежде всего в своем лице рассматривает невероятное влияние языка в разных аспектах жизни.

Если исходить из того, что философия есть наука (позитивизм, феноменология, аналитическая философия) или литературный жанр (постмодернисты), то можно констатировать, что наука требует трезвости, искусство – грезит, провидит. Что касается Витгенштейна, то в философии он отдает предпочтение науке, а в жизни ведет себя как актер. Можно сказать, что он представляет собой единство научности и художественности.

² См.: Витгенштейн, Л. Дневники, 1914–1916: С прил. Заметок по логике (1913) и Заметок, продиктованных миру (1914) / пер., вступ. ст., коммент. и послесл. В. А. Суровцева. – Томск: Водолей, 1998. – С. 104.

³ См.: Он же. Голубая книга / пер. с англ. В. П. Руднева. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

⁴ В автобиографии Б. Рассел спрашивает Витгенштейна: «Вы думаете о логике или о Ваших грехах?» «И о том, и о другом», – ответил он, продолжая шагать (см.: Рассел, Б. О Витгенштейне. Отрывок из «Автобиографии» // *Общественная мысль: исследования и публикации.* – Вып. IV. – М.: Наука, 1993. – С. 253).

Немецкая философская проза Л. Витгенштейна уже признана как классика XX в. Инструментальный подход к языку у Витгенштейна не отрицает фундаментального языкового подхода (язык – форма жизни). Этим и отличается его философия от понимания философии либо как замкнутой самодостаточной априорной области (континентальная традиция), либо как философии науки, философии оснований специальных наук (физики, биологии, психологии) в англосаксонской философской культуре. Она открыта родственным областям, логически сопричастна проблемам многих наук, запросто обсуждает вопросы частных дисциплин, и не только с идеальных, априорно-логических позиций, но и с эмпирических, экспериментальных сторон.

Нельзя не отметить, что Витгенштейн никогда систематически не изучал психологию. Но он именно этим и интересен: запросто обсуждая психологические проблемы, он дает возможность увидеть их невооруженным глазом, неискушенным, но и не ограниченными предвзятыми интерпретациями, а открытыми к обсуждению. Если можно так выразиться, Витгенштейн имеет свой голос в решении психологических проблем. И он интересен именно как голос влиятельного логика начала XX в., пусть и не погруженного в психологическую научную традицию, но и соответственно не вытнутого в нее.

На философско-психологические воззрения Л. Витгенштейна оказали влияние А. Шопенгауэр, О. Вейнингер, У. Джеймс и др. Можно также отметить влияние русской психологической художественной литературы, в особенности Л. Толстого и Ф. Достоевского. Несомненна связь первых философско-психологических опытов Витгенштейна с его техническим любопытством и инженерным образованием, нашедшая выражение в его юношеском «сциентизме». Но именно здесь, для начала, можно искать и ответ на вопрос об отношении Витгенштейна к исторической традиции, к истории философии и других наук. Витгенштейн показывает себя как исторический философ, с некоторым даже небрежением к истории⁵. Но как раз это на первый взгляд неприятие исторического оказывается вполне традиционным проявлением философской самостоятельности.

⁵ Известны его заявления о том, что он не читал того или иного философа и не испытывает по этому поводу никаких проблем. К таким нечитанным философам в разное время Витгенштейн относил Аристотеля, Гегеля, Канта, Локка, Юма и вообще всю историю философии в учебном изложении.

Философское творчество Л. Витгенштейна совпадает с глубокими изменениями и открытиями в науках, в частности в физике, математике, психологии и т. д. Этот период в развитии психологии получил название «периода открытого кризиса (1912–1935 гг.)»⁶. Этот «кризис психологии обнажил коренные недочеты ее теоретических основ... Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга, ...ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм»⁷. По мнению отечественных психологов Л. Выготского, С. Рубинштейна, А. Леонтьева, А. Лурии и др., а также представителей аналитической философии (Г. Райла, например), такая постановка вопроса (о признании материи и психики двумя мирами) восходит к Декарту. Можно сказать, что этот дуализм у Декарта носит гносеологический характер: речь идет о получении непосредственного и опосредованного знаний через противопоставление субъекта и объекта. Как раз такая постановка проблемы окажет существенное влияние на формирование английского эмпиризма, под влиянием которого будут находиться учителя Витгенштейна Г. Фреге и Б. Рассел. Этот же теоретико-познавательный дуализм окажет и определяющее влияние на формирование предмета эмпирической психологии. Следствием такого раздвоения в предмете психологии является отсутствие единой программы исследований, общих методов изучения и общезначимых теорий, хотя были достигнуты значительные результаты в экспериментальной психологии. Разные программы нашли свое воплощение в формирующихся в это время психологических направлениях, среди которых стоит отметить прежде всего бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихологию, описательную психологию и культурно-историческую. И деятельность психологов этого времени, отмеченная такими именами, как У. Джеймс, К. Коффка, В. Кёллер, Дж. Уотсон, З. Фрейд, В. Дильтей и др., найдет свое прямое отражение в философском анализе Витгенштейном психологической проблематики. У него будет достаточно отчетливо выражено отношение к теориям, представленным гештальтпсихологией, бихевиоризмом, психоанализом, составившим костяк психологии этого рассматриваемого периода.

⁶ См.: Хрестоматия по истории психологии. Период открытого кризиса / под ред. П. Я. Гальперина, А. И. Ждан. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 3.

⁷ Там же.